

КОНСЕНСУСНЫЕ ИНСТИТУТЫ ДЛЯ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ НЕОМАЛЬТУЗИАНСКОЙ ЛОВУШКИ¹

БАЛАЦКИЙ ЕВГЕНИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
ЦЭМИ РАН,
Москва,
e-mail: evbalatsky@inbox.ru

В статье дается содержательное и формальное определение мальтузианской ловушки, а также вводится новое понятие – «неомальтузианская ловушка». Подчеркивается, что выход из мальтузианской ловушки в Англии был осуществлен с помощью чрезвычайно жестоких методов, которые в настоящее время не приемлемы. Между тем человечество стоит на пороге необходимости преодоления или хотя бы частичной нейтрализации неомальтузианской ловушки, что требует массовой «разгрузки» рынка труда и совершенно новых методов государственного регулирования. Одним из таких новых подходов является создание консенсусных институтов, под которыми понимаются правила функционирования общества, складывающиеся в результате молчаливых, как правило, неартикулируемых соглашений (консенсуса) между властью и населением. Такие институты позволяют сгладить или отложить острые социальные конфликты, но подрывают экономическую эффективность системы. Консенсусные институты пронизывают сферы производства и потребления и широко представлены в российской экономике. Рассматриваются примеры таких институтов в сфере занятости, безработицы и досуга. Показано, что новая тенденция к созданию консенсусных институтов характерна и для других стран.

Ключевые слова: институты; консенсус, мальтузианская ловушка, неомальтузианская ловушка, занятость, безработица, досуг.

CONSENSUAL INSTITUTIONS FOR NEUTRALIZE OF NEO-MALTHUSIAN TRAP

EVGENY V. BALATSKY,

Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
RAS Central Economics and Mathematics Institute,
Moscow,
e-mail: evbalatsky@inbox.ru

The article gives the meaningful and formal definition of the Malthusian trap and introduces the new concept – Neo-Malthusian trap. It is emphasized that the exit from the Malthusian trap in England was made by extremely cruel methods, which currently are not acceptable. Meanwhile, now humanity on the threshold of the need to overcome or at least partially to neutralize the neo-Malthusian trap, which requires a massive "unloading" of the labor market and completely new methods of state regulation. One of these new approaches

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства Российской Федерации Финансовому университету на 2019 г. по теме «Технологические, структурные и социальные факторы долгосрочного экономического роста» (шифр темы: АААА-А19-119080990043-0).

is the creation of consensus institutions, which are understood the rules of functioning the society, formed as a result of silent, usually unarticulated agreements (consensus) between government and population. Such institutions smooth or postpone acute social conflicts, but undermine the economic efficiency of social system. Consensus institutions permeate the spheres of production and consumption and are widely represented in the Russian economy. The author considers the examples of such institutions in the field of employment, unemployment and leisure. It is shown that the new trend towards the creation of consensus institutions is typical for other countries.

Keywords: institutions; consensus, Malthusian trap, Neo-Malthusian trap, employment, unemployment, leisure.

JEL: B52, J21

Введение

В настоящее время мир вступает в новую фазу технологического прогресса, которую принято называть четвертой промышленной революцией (4ПР). Данный процесс таит в себе глобальные вызовы и угрозы, на которые человечеству придется реагировать уже в самое ближайшее время. В литературе уже отмечалось, что современная фаза развития человечества может характеризоваться как своеобразная *неомальтузианская ловушка* (НМЛ) (Балацкий, 2019). В связи с этим актуализируются практические аспекты возможных путей, методов и механизмов преодоления данного негативного состояния.

Сложность такой задачи усугубляется тем фактом, что некоторые из механизмов преодоления НМЛ действуют уже сейчас, но не осознаются общественностью в качестве новых инструментов социального управления. Кроме того, сегодня до конца не ясна та новая макроэкономическая перспектива, которая открывается перед человечеством в результате 4ПР. Данные обстоятельства диктуют следующую логику статьи. Сначала будут даны содержательные и формальные определения мальтузианской и неомальтузианской ловушек. Затем мы рассмотрим теорию витальных ресурсов для уяснения основного вызова НМЛ, после чего сосредоточим внимание на тех механизмах, которые направлены на нейтрализацию ее последствий и проявляют себя уже сейчас. В завершение мы сформулируем парадигму консенсусных институтов (КИ), используемую для борьбы с проявлениями НМЛ.

Мальтузианская и неомальтузианская ловушки: содержательные и формальные определения

Феномену *мальтузианской ловушки* (МЛ) по-прежнему уделяется большое внимание. Это связано с разными причинами. Одной из них является тот факт, что большое число стран мира, особенно Тропической Африки, так и не вышли из этого состояния (Зинькина, 2015). Например, Г. Кларк оценил критическую дневную норму душевого потребления продуктов питания, которое необходимо превысить, чтобы выйти из МЛ – 2350 ккал/день; большинство стран Восточной Африки до сих пор находится в диапазоне продовольственного потребления на уровне 2100–2300 ккал/чел/день (Clark, 2007).

Кроме того, имеется множество современных интерпретаций МЛ. Например, считается, что МЛ можно выразить простой формулой, которая получила название IPAT-уравнения: $I=РАТ$, где давление на окружающую среду (I) представляет собой произведение численности населения (P) на изобилие (душевое потребление) (A) и на удельное давление технологий (на единицу потребления) (T)².

Большую популярность получили модели, описывающие функционирование эколого-экономической системы, включая стадии МЛ и выхода из нее. Так, первой подобной моделью стала предложенная в 1980 г. Р. Ли (Lee, 1980) зависимость между реальной

² The Malthusian Trap. URL: <https://thwink.org/sustain/glossary/MalthusianTrap.htm>

заработной платой и трудовыми ресурсами. Её недостатком стало отсутствие обратной связи; решить его помогла модель Дж. Вуда, в которой рождаемость и смертность задавались зависимостью от зарплаты, что позволяло записать более общее уравнение динамики численности населения (Wood, 1998). Однако это уравнение порождало довольно специфические решения, которые плохо соответствовали реальной истории событий, в связи с чем были сделаны попытки ее модификации путем введения итерационных схем расчета переменных в моделях Мёллера–Шарпа (Møller, Sharp, 2014) и Ашрафа–Гэлора (Ashraf, Galor, 2011).

Еще одним вариантом модели Вуда явилась модель Футлендера–Вота (Voigtlander, Voth, 2009), в которой основные параметры описывались нелинейными зависимостями, но и в ней генерировались примитивные траектории без колебательных режимов. Большую популярность получила модель МЛ Брандера–Тейлора (Brander, Taylor 1998), в которой дополнительно вводился некий абстрактный возобновляемый ресурс, расходующийся в ходе человеческой деятельности. Модель Брандера–Тейлора была богаче уже за счет того, что в ней фигурировала система двух дифференциальных уравнений, однако введенная одна из переменных описывала природный ресурс, но не столько урожай, как в других моделях, сколько природный потенциал. В связи с этим критики справедливо констатировали, что данная модель описывает сообщество не земледельцев и скотоводов, а охотников и собирателей (Szulga, 2012).

Рассмотренные модели можно считать классическими в том смысле, что они являлись самими простыми и содержательными. Позже были предложены модели, включающие число уравнений больше двух и большое число плохо верифицируемых параметров (Usher, 1989; Komlos, Artzrouni, 1990; Chu, Lee, 1994).

Подытоживая имеющиеся трактовки мальтузианской ловушки, можно утверждать, что для данного понятия характерны узкая и широкая трактовки. В *узком смысле* слова МЛ представляет собой экономический режим, при котором рост населения происходит быстрее роста продукции сельского хозяйства (пищи). Итогом такого режима рано или поздно становится переполнение территории страны человеческой биомассой, которое приводит к демографическим катастрофам – войнам, массовым болезням и голоду, с помощью которых рынок рабочей силы «разгружается», т.е. приводится в исходное равновесие. Траектория в узком смысле восходит к самому Т. Мальтусу, благодаря которому и было введено в оборот понятие МЛ. В *широком смысле* слова под МЛ понимается экономический режим, при котором рост населения происходит быстрее роста национального производства (богатства). Результатом такого хода событий является технологический застой, отсутствие роста производительности труда и хроническая бедность населения. В ряде случаев используется разновидность широкой трактовки, когда под МЛ подразумевают экономический режим, при котором не происходит роста душевого дохода (богатства или валового внутреннего продукта) населения. Такое понимание характерно для современной экономической теории и эквивалентно такому понятию, как *ловушка бедности*. Иногда используются другие синонимы МЛ – технологическая ловушка, инвестиционная ловушка, ловушка неразвитости и др.

Понятно, что альтернативой стадии МЛ является режим экономического роста. Само же название МЛ связано в том, что в нее легко попасть, но трудно выйти. Схема бесконечного возвращения системы в режим МЛ такова: технологический прогресс способствует росту производства и благосостояния, что приводит к увеличению рождаемости и населения, что в свою очередь понижает уровень душевого благосостояния и возвращает систему в исходное состояние. Поэтому, для того чтобы выйти из МЛ нужно что-то экстраординарное.

Режим МЛ сохранялся на протяжении примерно 10 000 лет со времен эпохи неолита, когда стала формироваться современная человеческая цивилизация. Преодоление МЛ произошло в период 1600–1750 гг., когда свершилась индустриальная революция и

человечество вышло на траекторию экономического роста. Таким образом, примерно 10 000 лет своей истории человечество пребывало в состоянии МЛ и только 250–300 лет – в режиме экономического роста. Временная историческая траектория роста ВВП почти совпадает с траекторией роста средней продолжительности жизни, т.е. рост благосостояния населения сопровождался ростом его средней продолжительности жизни, которая увеличилась с 25–35 лет в эпоху МЛ до 70–80 лет периода экономического роста.

Из сказанного несложно сформулировать формальные характеристики феномена МЛ. Если ввести обозначения: X – объем произведенной сельскохозяйственной продукции (продуктов питания); Y – валовой внутренний продукт (ВВП) страны; N – численность населения страны; y – душевой ВВП страны, т.е. $y=Y/N$; $\lambda=\Delta Y/Y$ – темп прироста ВВП; $x=\Delta X/X$ – темп прироста производства аграрной продукции; $n=\Delta N/N$ – темп прироста населения; $\mu=\Delta y/y$ – темп прироста душевого ВВП, то содержательные определения легко уточнить. Так, в узком значении слова режим МЛ требует выполнения условия $x \leq n$ ($x > 0$); в противном случае система функционирует в режиме экономического роста. Аналогичным образом в широком смысле слова для наличия МЛ предполагается условие $\lambda \leq n$ ($\lambda > 0$). В разновидности широкой трактовки МЛ предполагается выполнение условия $\mu \leq 0$. Как правило, в условиях МЛ $\mu \approx 0$, а $\lambda \rightarrow 0$.

Напомним, что выход из МЛ состоялся благодаря одновременному сочетанию нескольких важных причин – созданию колониальной системы благодаря географическим открытиям, промышленной революции, накоплению капитала и социальному неравенству. Начавшийся систематический поток технологических инноваций привел к росту капиталовооруженности производства и производительности труда, что в свою очередь позволило поднять темпы экономического роста выше темпов роста населения и тем самым обеспечить рост его благосостояния. Однако все эти прогрессивные изменения вели к высвобождению рабочей силы, образованию ее избытка и необходимости его активной «утилизации». В литературе рассматривалось пять каналов подобной «утилизации населения» в Великобритании времен преодоления МЛ: ликвидация части населения путем широкого применения смертной казни; эмиграция свободных граждан в Америку; вывоз осужденных «преступников» в Австралию; ликвидация части населения за счет роста криминогенности общества и массовых убийств; ускоренное вымирание населения по причине болезней и сокращения продолжительности жизни (Балацкий, 2013). Помимо этого, было осуществлено много антисоциальных нововведений: восстановление института рабства, истребление аборигенов и их «нейтрализация» в резервациях, создание класса капиталистов, введены бесчеловечные способы эксплуатации людей, наркотизация Китая и алкоголизация североамериканских индейцев, разрушение экологии и т.п. Все это было своеобразной социальной платой за прогресс и выход из пресловутой МЛ. Возможно, что, в конечном счете, плюсы рассматриваемого перехода перекрыли его минусы, но и забывать о последних не следует.

В настоящее время есть основания говорить о возникновении своеобразной *неомальтузианской ловушки* во многих странах мира. Для нее характерно замедление экономического роста, роста душевого ВВП и производительности труда. Так, по данным ОЕСД, темпы прироста производительности труда в 2006–2017 гг. по сравнению с 1995–2005 гг. в США упали с 2,3 до 1,0% (в 2,3 раза), а в Великобритании – с 2,2 до 0,5% (в 4,4 раза); эта тенденция присуща всем развитым странам мира. Параллельно замедляются темпы экономического роста. В начале XXI в. объем накопленного капитала (собственности) имеет все признаки явного избытка, что приводит к падению его рентабельности; сегодня мир по этому параметру находится на уровне, предшествовавшем двум мировым войнам (Пикетти, 2016). Имеющиеся признаки глобального охлаждения мировой экономики позволяют констатировать повторение феномена МЛ на качественно новом уровне, т.е.

формирование НМЛ. Ранее уже отмечалось, что принципиальная разница между МЛ и НМЛ состоит в том, что первая была ликвидирована за счет вытеснения физического труда, тогда как вторая должна привести к массовому вытеснению умственного труда (Балацкий, 2019). Однако в обоих случаях – МЛ и НМЛ – имеет место избыток населения, который нуждается в «утилизации».

Другим важным отличием НМЛ от МЛ является достигнутый уровень благосостояния. Если ввести параметр калорийности дневной нормы питания как z и использовать ее критический порог z^* , определенный Г.Кларком, то можно уточнить ранее данное определение МЛ и дать определение НМЛ. Для МЛ справедливы режимы, обозначенные ранее, при выполнении условия $z \leq z^*$; для НМЛ все предыдущие признаки сохраняются, а последнее дополнительное условие претерпевает инверсию: $z > z^*$. Таким образом, если преодоление МЛ шло на фоне проблемы физического выживания для большей части человечества, то выход из НМЛ будет проходить в более комфортных социальных условиях.

Интрига нынешнего момента развития состоит в том, что, несмотря ни на что, преодоление НМЛ может снова сопровождаться волной бесчеловечности, которая была характерна для периода выхода из МЛ. Разумеется, не все исторические аналогии являются уместными, но и отбрасывать такую возможность при видимом сходстве двух этапов развития нельзя. Вместе с тем человечество накопило достаточный опыт и знания, которые дают шанс провести означенную «утилизацию» в цивилизованных и максимально мягких формах.

Особенности нового эволюционного витка

Чтобы понять главный вызов НМЛ, можно оттолкнуться от теории витальных ресурсов (Балацкий, 2007). В соответствии с этой теорией человек обладает четырьмя жизненными ресурсами – деньгами, жизненной энергией, знаниями и временем. Как было показано ранее, на протяжении развития цивилизации люди поэтапно овладевают каждым из названных ресурсов, в результате чего образуются своеобразные макроэкономические волны (Балацкий, 2008). Так, на первом этапе был освоен биовыживательный ресурс, эквивалентный наличию денег на питание, что привело к формированию аграрного общества, большая часть которого работала в сельском хозяйстве. Вторая волна возникла в результате революции в индустрии и энергетике, что соответствует второму витальному ресурсу – энергии. Третий этап ознаменовался волной Э. Тоффлера, давшей информационную экономику или эконому знаний, которая строго в соответствии со своим названием интериоризировала ресурс знаний. В результате овладения тремя витальными ресурсами люди получили небывалые ранее возможности, а именно: каждый человек имеет пропитание, которое находится в шаговой доступности от его дома – для этого нужны только деньги; к каждому индивиду пришла в дом энергия в форме света и отопления; каждый человек сегодня может, не выходя из дома, с помощью Интернета получить почти любую информацию и знания. На каждом из трех этапов люди преобразовывали исходный дефицит соответствующего витального ресурса в его достаток или даже избыток.

Рассмотренные три цивилизационные волны человечество уже прошло и тем самым имело возможность их детально наблюдать. Вопрос состоит в том, каков следующий виток развития предстоит пережить людям. Теория витальных ресурсов дает подсказку на этот вопрос. Судя по всему, это будет избыток времени на основе развития специфической индустрии, которая позволит заполнить высвободившийся досуг. В широком смысле это сфера развлечений, которая давно и уверенно себя проявляет, однако, похоже, сейчас она будет постепенно выходить на первый план.

Совершенно очевидно, что мир стоит на пороге тотальной кибернетизации, когда физический и умственный труд будет максимально заменен техническими устройствами.

Это приведет к тому, что массовый рутинный труд будет повсеместно вытеснен и люди как наемные работники перестанут быть насущной проблемой. Куда тогда им деваться и чем заниматься?

Это и есть сакраментальный вопрос, который должен быть решен в результате выхода из НМЛ.

Уже сегодня современный человек имеет почти все, что только ему необходимо для счастливой и обустроенной жизни. Следовательно, потребности нормального индивида передовой части человечества удовлетворены. При этом в ближайшее время окажется, что они могут быть удовлетворены малыми силами – с помощью 15–20% населения. Оставшиеся 80–85% не нужны ни для производства, ни для потребления – ибо у безработных не будет средств для потребления. Кроме того, уже очевидно, что достойные потребительские стандарты для всех людей на Земле приведут к экологическому убийству самой Земли. Как же тогда «утилизировать» «лишнюю» часть людей?

К сказанному следует добавить, что мир развивается согласно правилу, хорошо сформулированному Т. Маккенной: «Если природа олицетворяет принцип экономии, то культура дает пример принципа обновления через излишества» (*Маккенна, 1995*). Похоже, что в наше время эти два принципа пришли в противоречие. Все профессии и виды деятельности стали массовыми: наука, медицина, актерское мастерство, политика и пр. Все товарные рынки и рынки услуг пребывают в состоянии тотального избыточного предложения. Непосредственным результатом этого является девальвация всех ценностей. Как восстановить исходное равновесие?

Ранее высказывалась идея о том, что главным фактором поддержания глобального равновесия в системе является свободное время людей (*Балацкий, 1999*). При увеличении производства увеличивается трудовая нагрузка людей, величина досуга уменьшается, и он становится дефицитным продуктом, балансируя возникающее в системе избыточное предложение благ. Сегодняшние технические возможности позволяют снизить трудовую нагрузку людей и выровнять положение на рынках, но, похоже, и это не сможет решить проблему «лишних» рук. Следовательно, мир стоит в шаге от глобального реформирования всех отношений, ценностей и способов общественного бытия.

Заметим сразу, что переход к светлому будущему на базе технологического прогресса не может быть обеспечен всем – он затронет лишь малую часть человечества; остальные должны быть утилизированы примерно так же, как в период построения капиталистических отношений.

Возвращаясь к теории витальных ресурсов, вспомним, что в соответствии с ней утилизация людей должна будет сопровождаться утилизацией времени их жизни. Проводя аналогию предыдущих макрогенераций, можно сказать, что в каждый дом должна прийти услуга, позволяющая развлечь людей и тем самым «съесть» их избыточное свободное время; именно таким образом несколько ранее в дом потребителя пришли продукты питания, свет, тепло и информация. В связи с этим возникает более конкретный вопрос: как будет реорганизовано общество в результате 4ПР?

Сегодня есть уже первые примеры и признаки той модели, которая придет на смену нынешней «трудовой» парадигмы. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Феномен консенсусной занятости

Наличие лишних людей не является делом далекого будущего и даже вообще делом будущего – оно имеет место уже сегодня. Мы можем наблюдать социальные и профессиональные страты работников, которые, строго говоря, не нужны экономике, но им по-прежнему предоставляют рабочие места. Чем объяснить наличие феномена содержания «ненужных» людей?

Ответ на этот вопрос является неоднозначным, однако нам представляется, что основа указанного явления состоит в сформировавшемся общественном консенсусе

между властью и населением в отношении того, что эти люди все-таки должны иметь место в современном обществе. Более того, власть целенаправленно административными методами продавливает решение о сохранении некоторых секторов трудовой деятельности.

Чтобы конкретизировать сказанное выше, рассмотрим конкретный пример. Речь идет о когорте охранников всех видов в российской экономике. Многие помнят время, когда даже в бюрократизированном обществе СССР не существовало охраны в школах, магазинах и была номинальная охрана в таких государственных учреждениях, как вузы и институты. Сегодня охранные подразделения введены на всех государственных предприятиях в обязательном порядке. Аналогичная ситуация с магазинами, где представители секьюрити формально даже не имеют легитимного права на осмотр посетителей. Более того, данная функция не входит в их круг обязанностей даже в тех магазинах, где нет камер хранения и куда приходят люди с уже имеющимися аналогичными покупками.

Очевидно, что подобные меры безопасности, с одной стороны, могут быть объяснены возросшей во всем мире террористической угрозой. С другой, также очевидно, что если планы по истреблению людей в общественном месте будут реализовывать вооруженные боевики, то трудно представить себе, как безоружные охранники смогут противостоять им, особенно с учетом внезапности нападения террористов. Скорее всего, охранники погибнут первыми, даже не успев понять, что произошло. Не исключена и третья возможность, когда террористическая диверсия будет осуществлена путем взрыва бомбы человеком, который обманом все-таки проникнет в то или иное учреждение, где и осуществит задуманное. Во всех этих случаях охрана будет не в состоянии воспрепятствовать агрессивным действиям. Отсюда вытекает вывод, что задача охраны – в лучшем случае, нейтрализовывать мелкие хулиганства и правонарушения.

В связи с приведенными примерами возникает вопрос: для чего тогда нужна цифровая экономика, которая позволяет на каждом шагу поставить камеры и отслеживать ситуацию повсеместно и поминутно? Ответ, на наш взгляд, связан с новой доктриной «разгрузки» потенциальной безработицы. Охранники – это люди, которым в реальной экономике практически нет места. Однако оставить их в качестве хронически безработных – чрезвычайно рискованный сценарий социальной политики. Оставаясь долго в данном статусе, они могут начать сотрудничать самым непредсказуемым образом с теми же террористами и бандформированиями, а могут просто пополнить массу недовольных политическим режимом. Чтобы избежать этого, власти повсеместно вводят охранные подразделения на государственных предприятиях и тем самым снимают социальную напряженность. Разумеется, это увеличивает издержки учреждений, школ, вузов, магазинов и за счет этого уменьшает заработки основного персонала. Но это считается меньшим злом в условиях глобальной экономической и политической турбулентности.

Характерно и то, что проведенные автором выборочные опросы показывают, что абсолютное большинство людей считают введенные меры предосторожности обоснованными. Именно в этой точке и возникает консенсус, когда население молчаливо поддерживает заведомо нерациональную кадровую политику властей и закрывает глаза на возникающие *правовые коллизии* нового института. Например, насколько допустимо требование сотрудников бюро пропусков или вневедомственной охраны паспорта и водительских прав посетителя, насколько правомерны вообще запреты на вход в публичные заведения, что делать с человеком, который, невзирая на запреты, все равно пройдет в здание и т.п.?

На самом деле сегодня есть и более масштабные проявления эффекта консенсусной занятости. Так, сегодня власти вводят определенные требования на разные должности, в соответствии с которыми работники, их занимающие, должны иметь специальное

образование. Например, на различные позиции на государственной службе необходимо профильное образование магистра, а администраторы частных фитнес-клубов должны иметь высшее управленческое образование. Все это создает искусственный спрос на обучение в вузах и дает рабочие места огромной армии людей. При этом опять-таки достигается социальная установка – не только сохраняются кадры вузов, но и «нейтрализуется» обучающаяся молодежь. Главное, чтобы молодые люди прошли опасный возраст путем социализации в вузах, а не на улицах, в сектах и бандформированиях.

Характерно, что обсуждаемое явление отнюдь не является исключительно российским достижением. Сегодня многие зарубежные вузы также вводят более жесткие режимы входа-выхода, в Китае на острове Хайнань в тропическом заповеднике «Янода» введена система заведомо лишних кадров – огромная армия персонала, проверяющая входные билеты; все эти люди выполняют никому не нужную развлекательную миссию – в определенные моменты начинает играть музыка, под которую все сотрудники начинают синхронно танцевать. Имеется откровенно избыточный персонал и в китайских отелях. И здесь также имеется консенсус власти и населения: конечно, этих людей можно сократить и обойтись меньшей численностью сотрудников, но куда деваться уволенным?

Нельзя не обратить внимание на то, что все приведенные примеры содержат общие черты – все они ориентированы на взятие под тотальный контроль больших масс населения и их территориальную локализацию. Складывается впечатление, что власти отрабатывают будущие социальные модели по обеспечению сегрегации масс. Оговоримся сразу, что в данном случае речь не идет о преднамеренном социальном экспериментировании со стороны правительства, наоборот, все эти формы и институты возникают неосознанно и стихийно, но несут в себе прообраз будущей конфигурации общества.

Феномен консенсусной безработицы

Еще более радикальными по сравнению с проектами консенсусной занятости представляются проекты по консенсусной безработице. Наиболее яркой формой этой идеологии является так называемый *безусловный (гарантированный) базовый доход* (ББД), представляющий собой социальную концепцию, предполагающую регулярную выплату определенной суммы денег каждому гражданину страны со стороны государства; выплаты производятся всем членам сообщества, независимо от уровня дохода и без необходимости выполнения работы.

История этого понятия довольно старая, однако с 2010 г. эта идея была реанимирована и начала всерьез не только обсуждаться, но и вводиться в жизнь в форме социального эксперимента. Например, в 2010 г. был запущен проект по внедрению ББД в индийском штате Мадхья-Прадеш; в 2017 г. экономический советник правительства Арвинд Субраманиян предложил рассмотреть введение ББД на общегосударственном уровне в размере 7 620 рупий (113 долл. США) в год. Эксперимент по введению безусловного базового дохода в 2017–2019 гг. проходит в Финляндии. Похожий проект имел место в канадской провинции Онтарио в 2018 г., но был свернут из-за отсутствия результата. В 2016 г. на референдуме в Швейцарии поднимался вопрос о введении ББД, но итоги голосования оказались отрицательными. Все это недвусмысленно говорит о живучести новой концепции и ее все большей привлекательности.

Напомним, что первый общеевропейский опрос по поводу ББД прошел в апреле 2016 г. и показал, что 64% жителей Евросоюза поддержали бы введение нового института, но при этом только 4% граждан после его введения отказались бы работать³. Ограниченные эксперименты по апробированию результативности ББД проводятся сейчас в огромном количестве стран, включая самые богатые (США, Германия, Голландия и др.) и самые

³ Jaspers N. (2016). What do Europeans think about basic income? Neo Polis. URL: http://www.basicincome.org/wp-content/uploads/2016/05/EU_Basic-Income-Poll_Results.pdf

бедные (Индия, Кения, Уганда и др.). Все эти факты демонстрируют насущную и всеобщую потребность в новой форме безвозмездной поддержки населения. Но что стоит за этими начинаниями?

На наш взгляд, мы здесь сталкиваемся с осознанием властями той простой истины, что огромное число людей скоро будет принципиально невозможно обеспечить работой. Во-первых, при грядущем уровне роботизации экономики и росте производительности труда все необходимые блага смогут быть обеспечены малой частью населения, а остальные люди будут просто не нужны. Во-вторых, в условиях усложнения технологий и институтов многие люди, скорее всего, просто не смогут быть полезны где-либо. Во избежание масштабных социальных конфликтов власти должны осуществить превентивные действия по цивилизованному поддержанию жизни класса «ненужных» людей. Именно этим и вызваны попытки национальных правительств испытать новый инструмент регулирования.

Обращает на себя внимание и тот факт, что во всех странах все дискуссии относительно ББД проходят в удивительно деликатном ключе – проведение всенародных референдумов, широкий социологический опрос мнений, предельно аккуратные эксперименты. Складывается впечатление, что власти ищут поддержки своего будущего решения, прежде всего, в той части населения, которая не нуждается в ББД, но фактически именно ей и придется оплачивать новый институт.

Сама постановка вопроса о ББД является попыткой прощупать тот социальный плацдарм, на котором придется бороться с последствиями НМЛ. Можно сказать, это попытка сделать так, чтобы в новом мире «ненужные» люди не мешали остальным жить и работать.

Феномен консенсусного досуга

Параллельно с дискуссиями о ББД современный политический дискурс пополнился еще одной темой – переходом на укороченную рабочую неделю. В этом направлении идет пропаганда международной организации труда (МОТ), предлагающей четырехдневную рабочую неделю. Примечательно, что Россия поддержала это начинание в лице премьер-министра Д.А. Медведева, выступившего с соответствующим заявлением на 108-ой Международной конференции труда в Женеве⁴. Говоря о перспективности и своевременности нового формата трудовых отношений, Д. Медведев упомянул опыт новозеландской инвестиционной компании «Perpetual Guardian», которая весной 2018 г. ввела для своих сотрудников опцию перехода на четырехдневную рабочую неделю. Этот переход осуществлялся не в приказном порядке, а на основе добровольного выбора сотрудников. По мнению основателя «Perpetual Guardian» Эндрю Барнса, дополнительный выходной позволит резко увеличить производительность четырех рабочих дней. Аналогичная мера была введена в отношении сотрудников колл-центра британской компании «Simply Business», где сохранили зарплату за 30-часовую неделю такой же, что и за 38-часовую. В IT-компании «Planio», также перешедшей на 4-дневную неделю, считают, что переработки не только не приносят пользы, но представляют собой главную угрозу продуктивности⁵.

Таким образом, начинает пробивать себе дорогу новый международный тренд в сфере трудовых отношений, состоящий в переходе на укороченную рабочую неделю за счет эквивалентного повышения производительности труда. Надо сказать, что подобные акции в мировой истории уже имели место. Хрестоматийным примером является переход с 48-часовой на 40-часовую рабочую неделю после удачного опыта автосборочного завода Генри Форда, где этот шаг был сделан впервые.

⁴ См.: Трунина А. Медведев предсказал сокращение рабочей недели до четырех дней // *РБК*, 11.06.2019. URL: <https://www.rbc.ru/society/11/06/2019/5cff7c999a7947dbc95eed6e>

⁵ См.: Вардуль Н. Медведев предложил работать четыре дня: когда ждать заветных изменений // *Московский комсомолец*, № 27999, 18.06.2019. URL: https://www.mk.ru/economics/2019/06/17/medvedev-predlozhit-rabotat-chetyre-dnya-kogda-zhdat-zavetnykh-izmeneniy.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

Нельзя не заметить, что, как и в предыдущих случаях, данный институт активно пропагандируется и очень аккуратно внедряется в локальных нишах (отдельных фирмах) при поддержке самих работников. Тем самым и здесь проводится в жизнь принцип консенсусности. Главное же в институциональной инновации состоит в том, что власти готовы предоставить дополнительный досуг населению, ибо прежний трудовой режим грозит массовой безработицей. Укороченная рабочая неделя позволяет переложить открытую безработицу в форму официального досуга и тем самым завуалировать невостребованность населения в реальной экономике; гуманистические мотивы в этой акции играют самую незначительную роль и используются только в идеологических целях.

Феномен времяемкого потребления

Выше мы рассмотрели новые институты в сфере производства, однако картина будет не полной, если не рассмотреть сферу потребления. Дело в том, что 3 производственных консенсусных института ведут к возникновению массовой фиктивной занятости, нетрудового дохода и дополнительного досуга. Однако весь этот гигантский кадровый массив недозанятых образует колоссальный навес свободного времени и потребность его заполнения. В связи с этим необходимо формирование времяемких продуктов, которые смогут «съесть» досуг большой массы людей. На наш взгляд, сегодня можно говорить о трех таких секторах – компьютерных играх, сериалах и многотомных романах. Более того, сериалы уже фактически полностью вытеснили обычные фильмы по 1,5–2,0 часа, а многотомные романы пришли на замену компактным литературным произведениям. При этом само население сделало выбор именно в пользу времяемких товаров потребления – игр, кинематографических и книжных сериалов. Сам по себе этот факт открывает колоссальные возможности «нейтрализации» досуга, который может быть высвобожден в результате 4ПР.

Напомним, что еще в начале XX в. Дж. Лондон вынес вердикт о закате эпохи многотомного романа и наступлении времени короткого рассказа. По его мнению, человечество уже прошло стадию детства и способно думать само; оно может мыслить быстрее, чем читать слово за словом то, что напечатано; ему достаточно дать суть, а остальное оно додумает (*Лондон, 2001, с. 55*). Сегодня человеческое сообщество сделало полный круг и вернулось к исходной точке – снова не нужны рассказы, а требуются многотомные романы. Это и понятно: если в начале XX в. человечество стояло лишь на подступах к благосостоянию и много еще чего предстояло сделать, то в начале XXI столетия все уже сделано и достигнуто. Уже почти невозможно заложить новый смысл в роман или найти совершенно новый сюжет – все они уже давно перепробованы. То же самое касается и фильмов. Зато в эпоху формирования кибер-реальности можно создать свой собственный мир – и в литературе, и в кинематографе, и в играх – и поделиться им с другими. И эти миры должны быть огромными, сложными, разветвленными, неожиданными. А это все и предполагает создание масштабных произведений – сериалов с бесконечным продолжением. Смысл не в идее произведения, а в искусстве ее реализации. Сегодня сериалы не несут оригинальных смыслов, они соревнуются в форме подачи и без того известных идей и мыслей. Так формируется то, что мы дальше будем называть *индустрией сериалов* (ИС), куда попадают все виды развлечений с продолжениями.

Основой ИС является желание населения перейти из реального мира в более интересные, красивые, таинственные, романтические и т.п. А у лучшего нет оптимума, т.е. действует правило-каламбур: чем больше этого лучшего, тем лучше. Данный момент открывает врата в мир привычек, пристрастий и наркотической зависимости. С этого момента потребление становится бесконечным и может поглотить все свободное время человека.

Обратим внимание, что все культовые литературные произведения последнего времени – это представители ИС. Ничто и никто не может сравниться по популярности

с серией романов Джоан Роулинг о Гарри Поттере, общий тираж которых приближается к миллиарду экземпляров. Промежуточный вариант ИС представляет гигантский роман-эпопея Джона Толкиена «Властелин колец». Еще один шедевр – цикл романов Джорджа Мартина «Песнь льда и пламени». Даже Дэн Браун, создавший бестселлер «Код да Винчи», в конечном счете, превратил его в серию романов, объединенных одним главным героем. И все эти произведения породили киносерии, также имевшие ошеломляющий успех. Наиболее зрелую форму среди них обрел сериал «Игра престолов» из 73 серий, продолжительностью в среднем по часу; даже по самым скромным подсчетам, финальную серию посмотрело около 20 млн чел. По нашим прикидкам, общая емкость данного сериала составила 1,4 млрд человеко-часов. Впечатляющая степень отъема досуга!

Примерно те же рассуждения характерны для электронных игр, где длительность игры продуцируется еще и заложенными в нее сложностями, которые нужно преодолеть пользователю. Помимо этого, сами игры имеют множество версий, которые дорабатываются, модифицируются и усложняются. В этом случае пребывание в игровом мире становится вообще почти бесконечным. Подобных примеров «проедания» досуга можно привести множество.

Любопытно, что феномен ИС, с одной стороны, делает жизнь приятнее, с другой – он ее фактически отнимает, ибо человек меняет возможность прожить собственную жизнь на возможность познакомиться с чужой жизнью. Однако это противоречие не порождает отторжения у населения и порождает опять-таки молчаливый консенсус по поводу целесообразности потребления артефактов ИС. Если данный вид индустрии и дальше продолжит свое триумфальное шествие по миру, то он сможет цивилизованно и гуманно «нейтрализовать» эффект 4ПР в части образования лишних людей и их свободного времени.

Консенсусные институты: сущность и особенности

Ранее мы ввели понятие консенсусных институтов по ходу рассмотрения самой проблемы. Сейчас можно немного обобщить и уточнить это понятие. Под консенсусными институтами мы понимаем некие правила функционирования общества, складывающиеся в результате молчаливых, как правило, неартикулируемых соглашений (консенсуса) между властью и населением, которые подрывают экономическую эффективность системы, но позволяют сгладить социальные проблемы или отложить их наступление. КИ могут иметь формальное закрепление в виде законов и регламентов, а могут носить неформальный характер. Обоснованием КИ всегда является некий *социальный императив*, снижающий эффективность национальной экономики.

Заметим, что КИ не являются обычными рациональными решениями по внедрению новых прогрессивных институтов. Наоборот, КИ всегда контрпродуктивны, а потому их внедрение требует молчаливого одобрения населения. В противном случае те массы экономических агентов, чьи интересы ущемляются КИ, проявят свое недовольство с непредсказуемыми последствиями. Именно поэтому власти при внедрении таких институтов проявляют не свойственные им деликатность и щепетильность.

Хорошим примером сказанного может служить российская пенсионная реформа, которая самым жестким и беспощадным образом повысила пенсионный возраст людей на 5 лет. Однако почти сразу был введен хрестоматийный КИ в виде регламента о непопустительности увольнения работников предпенсионного возраста. Что означает это правило? Только то, что правительство, увеличив пенсионный возраст, снизило нагрузку на Пенсионный фонд, а вытекающие отсюда проблемы по содержанию людей предпенсионного возраста переложило на работодателя. При этом эффективность всех предприятий, попадающих под гнет ненужных им предпенсионеров, снижается, но с этим все по умолчанию готовы мириться, ибо понимают серьезность возникшей социальной проблемы. Таким образом, новый регламент выступил в качестве амортизатора

непопулярного решения за счет ухудшения условий ведения экономической деятельности.

Сразу оговоримся по поводу примера с охранными подразделениями. На первый взгляд, может показаться, что создание штата всевозможных охранников является типичным проявлением создаваемого полицейского государства, ориентированного на силовую инфраструктуру. Однако это лишь видимость. Проблема гораздо шире. На наш взгляд, речь идет о проблеме принципиальной ненужности огромной массы людей, что характерно для этапа преодоления НМЛ.

В литературе уже указывалось, что 4ПР ставит вопрос о ценности труда как такового (Балацкий, 2019). Напомним, что труд, сыграв огромную роль в становлении современного человека, перестал быть самоценностью уже в следующей после первобытнообщинной социально-экономической формации. Рабовладельческий строй создал относительно небольшую группу свободных людей, занимавшихся политикой и философией, и класс рабов, ведущих подневольный труд на благо своих хозяев. Похоже, что сегодня эти времена возвращаются на базе нового технологического уклада. К XXI в. почти все авантюрные фильмы Голливуда выводили в качестве главного героя необычайно умного, креативного и умелого человека, который становился богатым путем быстрого отъема денег у третьих лиц – банка, казино, преступной группировки и т.п. Складывается впечатление, что Голливуд уже тогда понял, что на смену обычному монотонному труду идет креативная деятельность, которая не может быть заменена никакими технологиями. Не исключено, что в эпоху 4ПР только креативная деятельность будет представлять ценность, а остальной труд превратится в рутину и вновь, как в рабовладельческом обществе, не будет пользоваться почетом. В этих условиях размывается грань между работой и досугом, ибо и то, и другое могут быть рутинными и креативными. Следовательно, власть может легко перебрасывать одну группу населения в другую и наоборот. Главное – сохранить социальное равновесие и порядок. В этих условиях власть идет на уступки одним группам за счет интересов других, но при условии отсутствия активного протеста с их стороны. Так и формируется система КИ.

Разумеется, феномен КИ универсален и характерен для всех этапов развития общества. Однако угроза наступления активной фазы НМЛ приводит к тому, что КИ становятся массовыми и хорошо заметными.

Заключение

Разворачивающаяся в настоящее время 4ПР ведет к формированию НМЛ, для которой характерно огромное количество лишних людей. Такое положение дел может породить две социальные группы – работающие и неработающие, причем первая будет меньше второй. С таким положением дел мир еще не сталкивался. С одной стороны, как справиться с гигантской массой досуга, порождаемого неработающими, с другой – как и сколько надо платить работающим, чтобы сбалансировать всю систему, не создать чрезмерного неравенства и не лишить ее мотивационных стимулов? Вместе с тем обычный труд становится все более рутинным и теряет изначальную самоценность; даже для заполнения досуга неработающих необходимы креативные творения. Все это ведет к девальвации и труда, и досуга. В связи с этим возникает потребность в паллиативных решениях, способных удержать систему на плаву, не создавая чрезмерных социальных эксцессов. Именно этот процесс происходит в России, где активно формируются новые КИ.

Вполне правомерно задать вопрос: а не являются ли рассмотренные КИ следствием того, что российская экономика является преимущественно непроемкой, а потому и не порождает новых рабочих мест?

На наш взгляд, ресурсная ориентация российской экономики усугубляет проблему, но не порождает ее. Более того, слабая роботизация России тормозит процесс

высвобождения работников и тем самым ослабляет действие 4ПР, следовательно, и НМЛ. В мире действует совершенно другая зависимость: чем более развитая экономика, тем острее проблемы НМЛ.

ЛИТЕРАТУРА

Балацкий Е. В. (1999). Свободное время как фактор экономического равновесия // *Вестник Российской академии наук*, Т. 69, № 11, с. 1018–1025.

Балацкий Е. В. (2007). Теория жизненных ресурсов: модели и эмпирические оценки // *Мониторинг общественного мнения*, № 2(82), с. 124–133.

Балацкий Е. В. (2008). Ментальные контуры, стратификация общества и цивилизационные волны // *Вестник Российской академии наук*, Т. 78, № 8, с. 712–718.

Балацкий Е. В. (2013). Институциональная дилемма в период первоначального накопления капитала // *Журнал экономической теории*, № 4, с. 58–69.

Балацкий Е. В. (2019). Глобальные вызовы четвертой промышленной революции // *Terra Economicus*, Т. 17, № 2, с. 6–22.

Зинькина Ю. В. (2015). Мальтузианская ловушка в век глобализации? // *Век глобализации*, № 2(16), с. 130–142.

Лондон Дж. (2001). Сочинения: в 2 т. Т.1: Статьи и очерки; Рассказы. М.: ТЕРРА – Книжный клуб.

Маккенна Т. (1995). Пища богов. М.: Изд-во Трансперсонального Института.

Пикетти Т. (2016). Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс. 592 с.

Ashraf, Q., Galor, O. (2011). Dynamics and Stagnation in the Malthusian Epoch // *American Economic Review*, 101(5), 2003–2041.

Brander, J., Taylor, M. (1998). The Simple Economics of Easter Island: A Ricardo-Malthus Model of Renewable Resource Use // *American Economic Review*, 88, 119–138.

Chu, C. Y., Lee, R. D. (1994). Famine, Revolt, and the Dynastic Cycle. *Journal of Population Economics*, 7(4), 351–378.

Clark, G. A. (2007). Farewell to Alms. A Brief Economic History of the World. Princeton: Princeton University Press.

Komlos, J., Artzrouni, M. (1990). Mathematical Investigations of the Escape from the Malthusian Trap // *Mathematical Population Studies*, 2, 269–287.

Lee, R. (1980). A Historical Perspective on Economic Aspects of the Population Explosion: The Case of Preindustrial England // *Population and Economic Change in Developing Countries* / Ed. by R.A.Easterlin, 517–566. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Møller, N., Sharp, P. (2014). Malthus in Cointegration Space: A New Look at Living Standards and Population in Pre-Industrial England // *Journal of Economic Growth*, 19(1), 105–140.

Szulga, R. S. (2012). Endogenous Population and Resource Cycles in Historical Hunter-Gatherer Economies // *Cliodynamics*, 3(2), 234–270.

Usher, D. (1989). The Dynastic Cycle and the Stationary State // *The American Economic Review*, 79(5), 1031–1044.

Voigtlander, N., Voth, H. (2009). Malthusian Dynamism and the Rise of Europe: Make War, Not Love // *American Economic Review: Papers & Proceedings*, 99(2), 248–254.

Wood, J. W. (1998). A Theory of Preindustrial Population Dynamics, Demography, Economy, and Well-Being in Malthusian Systems // *Current Anthropology*, 39, 99–135.

REFERENCES

Balatskii, E. V. (1999). Leisure as a Factor of Economic Equilibrium. «*Herald of the Russian Academy of Sciences*», 69(6), 531–536.

Balatsky, E. V. (2007). Theory of vital resources: models and empirical estimates. *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2(82), 124–133. (In Russian).

Balatskii, E. V. (2008). Mental Circuits, Society Stratification, and Civilization Waves. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 78(4), 377–382.

Balatsky, E. V. (2013). The institutional dilemma in the period of primitive accumulation of capital. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, 4, 58–69. (In Russian).

Balatsky, E. V. (2019). Global challenges of the fourth industrial revolution. *Terra Economicus*, 17(2), 6–22. (In Russian).

Zinkina, Yu. V. (2015). Malthusian trap in the age of globalization? *Vek globalizatsii*, 2(16), 130–142. (In Russian).

London, J. (2001) Works: in 2 V. V.1: Articles and Essays; Stories. Moscow: TERRA – Knizhnii klub. (In Russian).

McKenna, T. (1995). Food of the Gods. Moscow: Izdatelstvo Transpersonalnogo Instituta. (In Russian).

Piketty, T. (2016) Capital in the twenty-first century. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian).

Ashraf, Q., Galor, O. (2011). Dynamics and Stagnation in the Malthusian Epoch. *American Economic Review*, 101(5), 2003–2041.

Brander, J., Taylor, M. (1998). The Simple Economics of Easter Island: A Ricardo-Malthus Model of Renewable Resource Use. *American Economic Review*, 88, 119–138.

Chu, C. Y., Lee, R. D. (1994). Famine, Revolt, and the Dynastic Cycle. *Journal of Population Economics*, 7(4), 351–378.

Clark, G. A. (2007). Farewell to Alms. A Brief Economic History of the World. Princeton: Princeton University Press.

Komlos, J., Artzrouni, M. (1990). Mathematical Investigations of the Escape from the Malthusian Trap. *Mathematical Population Studies*, 2, 269–287.

Lee, R. (1980). A Historical Perspective on Economic Aspects of the Population Explosion: The Case of Preindustrial England. *Population and Economic Change in Developing Countries* / Ed. by R.A.Easterlin, pp. 517–566. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Møller, N., Sharp, P. (2014). Malthus in Cointegration Space: A New Look at Living Standards and Population in Pre-Industrial England. *Journal of Economic Growth*, 19(1), 105–140.

Szulga, R. S. (2012). Endogenous Population and Resource Cycles in Historical Hunter-Gatherer Economies. *Cliodynamics*, 3(2), 234–270.

Usher, D. (1989). The Dynastic Cycle and the Stationary State. *The American Economic Review*, 79(5), 1031–1044.

Voigtlander, N., Voth, H. (2009). Malthusian Dynamism and the Rise of Europe: Make War, Not Love. *American Economic Review: Papers & Proceedings*, 99(2), 248–254.

Wood, J. W. (1998). A Theory of Preindustrial Population Dynamics, Demography, Economy, and Well-Being in Malthusian Systems. *Current Anthropology*, 39, 99–135.